

Годъ изданія восьмой.

АВГУСТЪ.

№ 19

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ЖАРКІЙ ПОЛДЕНЬ (стих.).

КАТЯ и КИТИ (повѣсть).

БѢЛАЯ ФЕЯ.

ВЪ ЗНОЙ (стих.).

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ. Повѣсть.

РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Уѣздный городишко (для склеиванія).

Муха и лягушка (игра).

№ 19. Августъ, 1915.

Годъ изданія VIII-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Мышка въ норкѣ.

ВЪ ЖАРКІЙ ПОЛДЕНЬ.

Душно... жарко... Пить охота,
Градомъ льется потъ,
На поляхъ кипить работа,
Жатва ужъ идетъ.

Каждый день проходятъ грозы
Гдѣ-то стороной;
Все затихло, лишь стрекозы
Рѣютъ надъ рѣкой.

И бѣжитъ домой съ купанья
Съ крикомъ дѣтвора...
Сколько смѣха, игра, оранья!
Милая пора!

Ирисъ.

КАТЯ и КИТИ.

Старая графиня Курсавина жила совершенно одиноко въ своемъ громадномъ богатомъ имѣніи. Она рано овдовѣла, и у нея остались на рукахъ только ея двое племянниковъ отъ двухъ ея рано умершихъ сестеръ — Николай и Георгій. Она очень любила Николая, воспитывала его, какъ родного сына, и хотѣла завѣщать ему всѣ свои капиталы и имѣнія. Когда Николаю исполнилось 25 лѣтъ, то она задумала его женить и выбрала для него невѣсту — богатую барышню Клавдію Сергѣевну. Но она Николаю не понравилась и, тайкомъ отъ тетки, онъ женился на другой дѣвушкѣ — Маріи Александровнѣ, которая была незнатнаго происхожденія и бѣдна. Графиня вспылила, прогнала Николая съ глазъ долой, не велѣла ему къ ней являться и заранѣе заявила, что не будетъ

Но дѣтишки очень рады,
Что стоитъ жара,
Много-ль, мало-ли прохлады, —
Бѣгають съ утра!

Иль въ рѣкѣ идутъ плескаться,
Иль бродить въ лѣску,
Иль въ ледникъ спѣшать забрать —
И попить кваску. [ся.

имѣть никакихъ сношеній съ его женой Маріей Александровной.

— Виданное-ли дѣло, кипятилась она, — чтобы онъ, мой родной племянникъ Николай Петрицевъ, принадлежащій по матери къ знатному роду графовъ Курсавиныхъ, — и вдругъ женился на какой-то учительницѣ музыкѣ или гувернанткѣ! Я не прощу ему этого никогда!

Клавдія Сергѣевна, которую графиня предназначала въ жены своему племяннику Николаю, вскорѣ вышла замужъ за другого ея племянника — Георгія. Отъ этого брака родилась дѣвочка Екатерина, которую стали звать по-англійски: Кити. Клавдія Сергѣевна скоро овдовѣла, переѣхала съ Кити на постоянное жительство къ графинѣ и жила у нея, какъ дома.

Совсѣмъ другая судьба была у

Маріи Александровны. У нея тоже родилась дочь и тоже Екатерина, но дѣвочку родители звали просто Катей. Катя и Кити были ровесницами. Марія Александровна тоже скоро овдовѣла и должна была жить своимъ собственнымъ трудомъ. Послѣ мужа у нея остались кое-какія сбереженія и она купила на нихъ подъ Москвой маленькую дачку и стала жить на ней круглый годъ. Съ балкона дачки видна была бѣловатая лента шоссе, по бокамъ котораго за деревьями прятались другія дачки. Потомъ тянулись засѣянные поля, затѣмъ вилась голубая рѣчка и на самомъ горизонтѣ видны были башни и стѣны монастыря. Сидя у себя въ садикѣ, когда мама уѣзжала въ городъ на уроки, Катя любила смотрѣть на рѣку, на дачи и на этотъ монастырь,—и это ее занимало. Кромѣ няни Арефьевны, кошки Пушистки и собаки Пульки у нея не было другихъ товарищей—и ихъ съ нея было достаточно. Она была довольна, счастлива—и больше не желала ничего.

Марія Александровна зарабатывала уроками очень немного и часто задумывалась о будущемъ. Пора была уже отдавать Катю въ гимназію или въ институтъ, а она еле смогла зарабатывать себѣ на хлѣбъ насущный, и если-бы у нея не было своего собственного домика, то приходилось-бы и вовсе плохо. А что станетъ съ Катей, если она заболѣетъ? Какъ оставить ее безъ образованія? Что съ дѣвочкой будетъ потомъ? Эти вопросы очень волновали Марію Александровну. Единственный человѣкъ, къ которому можно было-бы обратиться за помощью,—это была

графиня Курсавина, но Марія Александровна знала, что графиня ее не любитъ, и потому не писала ей никогда.

И вдругъ графиня написала ей сама.

Разорвавъ дрожавшей рукой конвертъ Марія Александровна стала читать и при этомъ лицо ея, всегда нѣсколько блѣдное, сильно покраснѣло.

Вотъ что писала ей графиня:

„Милостивая Государыня.

„Я навела справки о Вашемъ положеніи и узнала, что Вамъ живется трудно. Но ваша дочь приходится мнѣ внучкой, и о ней-то я Вамъ и пишу. Извините за откровенность, но я привыкла говорить прямо. Я предлагаю Вамъ слѣдующее: я дамъ Вашей Катѣ такое образованіе, какого Вы дать ей не сможете; впоследствии я выдамъ ей и приличное приданое, такъ что она нуждаться не будетъ. Но она должна жить у меня. Я буду ее воспитывать такъ, что Вы не раскаетесь. Будьте увѣрены, что я употреблю всѣ усилія, чтобы сдѣлать Вашу Катю почтительной дочерью и дать ей образованіе, достойное того имени, которое она носить. Но повторяю—она должна жить у меня. Вы-же будете пріѣзжать къ ней, когда пожелаете, и будете съ ней видѣться. Если Вы принимаете это мое предложеніе, то напишите мнѣ. Я пришлю тогда за дѣвочкой довѣренную особу. Надѣюсь, что Вы понимаете меня и подумаете о благѣ Вашей дочери.

Графиня Курсавина»

Марія Александровна едва дочитала это письмо. Мысль, что

она должна будетъ разстаться съ дочерью, ужасала ее, а съ другой стороны ей казалось, что она не имѣетъ права портить счастье своей Кати. И не зная, какъ быть и какъ поступить, не рѣшаясь, что именно отвѣтитъ графинѣ, она ходила по своимъ домику и саду, какъ сама не своя, и то и дѣло вздыхала.

— Что съ тобою, мама? спросила ее Катя.

— Такъ, ничего... отвѣтила мать, напрасно стараясь казаться спокойной.

Но скрывать отъ дочери она не привыкла, а потому къ вечеру второго дня, она посадила Катю рядомъ съ собою и серьезно сказала:—

— Ты уже большая, Катя, умѣешь разсуждать и поймешь меня...

— Что такое? удивилась Катя.

Марія Александровна разсказала ей, что у нея есть старая и очень богатая бабушка—графиня, которая прислала письмо и предлагаетъ своей внучкѣ Катѣ навсегда поселиться у нея въ усадьбѣ. Навсегда!

— Безъ тебя? воскликнула дѣвочка.

— Графиня пишетъ, что я могу пріѣзжать къ тебѣ. Конечно, я могла-бы тамъ тебя навѣщать!

— Такъ почему-же ты боишься? Поѣдемъ вмѣстѣ! Вѣдь графиня не выдала тебя никогда и не знаетъ тебя, а ты—самая лучшая мамочка въ мірѣ! Если-бы она знала тебя, то я увѣрена, что она пригласила-бы къ себѣ и тебя!

— Но она меня не любитъ!

— Ничего, полюбитъ!.. Если-бъ она знала тебя, то давно-бы уже

любила. Я поѣду туда и буду тамъ такъ послушна, такъ буду хорошо себя тамъ держать, такъ буду хорошо учиться, что она удивится и спроситъ (*басомъ*): — „А кто это тебя такъ научилъ?“ А я ей и отвѣчу (*тоненькимъ голоскомъ*): — „Это моя мама!“ Тогда она сама захочетъ поближе познакомиться съ тобой и перестанетъ на тебя сердиться.

Дѣвочка бросилась къ матери и стала ее цѣловать. Весь вечеръ затѣмъ она болтала о предстоящей поѣздкѣ и наконецъ развеселила и Марію Александровну. Мать стала улыбаться и временная разлука съ дочерью уже не стала ей казаться такою страшною, какъ въ первую минуту. И чѣмъ больше она думала, тѣмъ все болѣе привыкала къ мысли, что графиня—бабушка была права и что Катю нельзя оставить безъ образованія; что несмотря на всю свою материнскую привязанность къ дочери, Марія Александровна не имѣетъ права лишать свою дочь будущей обезпеченности, тѣмъ болѣе, что давно ничего не имѣетъ сама. Заболѣй она или умри — и ея Катя должна остаться ни съ чѣмъ. И кончилось дѣло тѣмъ, что Марія Александровна съ грустью въ сердцѣ написала графинѣ отвѣтъ, что согласна на ея любезное предложеніе. Каждая строчка этого ея письма была проникнута глубокой материнскою любовью, а затѣмъ, какъ это водится, Марія Александровна проплакала втихомолку цѣлую недѣлю. Грустила и Катя. По мѣрѣ того, какъ время текло, она все сильнѣе и сильнѣе чувствовала, какъ трудно будетъ разставаться съ матерью. Но

счастье дѣтства прорывалось въ ней, побѣждало въ ней эту ея грусть, и она уже начинала мечтать о предстоящей поѣздкѣ и щебетала, какъ птичка, по всему саду.

— Я возьму съ собой только одну куклу, разсуждала она. — Пульку и Пушистку оставлю здѣсь сторожить няню и маму... Къ тому-же тамъ онѣ могутъ соскучиться, потому что онѣ живыя, а кукла дохлая... Куклу можно. Она не соскучится.

Черезъ двѣ недѣли у воротъ остановилась извозчичья пролетка. Изъ нея вышла небольшого роста дама съ сѣдыми волосами и черными бровями. Лицо ея было доброе. Няня встрѣтила ее мрачно и недружелюбно.

— Вамъ кого надо? спросила она почти грубо.

Дама объяснила ей, кто она и зачѣмъ пріѣхала, и, не проводивъ гостью даже до крыльца, няня побѣжала къ себѣ въ кухню плакать.

Гостья поднялась на крыльцо, вошла въ переднюю и раздѣлась. Къ ней выбѣжала Катя.

— Здравствуйте! радостно воскликнула она. — Вы за мной? Вотъ хорошо-то! Мамочка, иди сюда скорѣй!

Вышла Марія Александровна. Сердце у нея забилося, но она старалась быть очень любезной.

— Милости просимъ... сказала она. — Мы давно уже васъ ожидаемъ!

Вошли въ гостиную и сѣли.

— Я бывшая гувернантка покойнаго отца вашей Кати... сказала гостья. Быть можетъ, вашъ покойный мужъ говорилъ вамъ про

меня когда-нибудь. Меня зовутъ мадамъ Ожье... Мадамъ Ожье. Но какъ Катюша похожа на него! Я такъ его крѣпко любила!

И схвативъ Катю въ свои объятія, она стала еѣ горячо цѣловать. Это сразу-же расположило въ ея пользу Марію Александровну.

— Я такъ сильно любила вашего покойнаго мужа! повторила мадамъ Ожье и поднесла платокъ къ глазамъ. — Онъ очень рано умеръ. Онъ выросъ на моихъ глазахъ. Графиня очень расположена ко мнѣ и я живу у нея уже тридцать лѣтъ... Но какъ ваша дочка похожа на отца! Какъ двѣ капли воды!

И она снова горячо поцѣловала Катю.

— Я увѣрена, продолжала гостья, — что графиня скоро привяжется къ вашей дочери и къ вамъ... Она старѣется съ каждымъ днемъ; она совершенно одинока, ея некому приласкать...

Мадамъ Ожье опять отерла платкомъ глаза.

— Но вѣдь у нея есть и другая внучка! сказала Марія Александровна.

— Да, отвѣтила гувернантка, — это Кити и ея мать г-жа Покотилова. Но онѣ не всегда ладятъ между собой. Г-жа Покотилова часто кричитъ на графиню...

И спохватившись, что зашла слишкомъ далеко, гостья поглядѣла на мать и дочь. Но онѣ показались ей такими простыми и добрыми, что она разоткровенничалась еще болѣе.

— Г-жа Покотилова очень недовольна тѣмъ, — продолжала она, — что старая графиня хочетъ приблизить къ себѣ вашу дочь. Она

желала бы пользоваться одна ея расположеніемъ и потому давно уже живетъ у насъ въ Знаменскомъ вмѣстѣ со своей дочерью Кити, у которой тоже нельзя сказать, чтобы былъ хорошій характеръ...

И, притянувъ къ себѣ Катю, мадамъ Ожье сказала:

— Я увѣрена, душечка, что съ перваго же твоего появленія у насъ въ Знаменскомъ, всѣ тебя тотчасъ же полюбятъ!

Затѣмъ всѣ сѣли пить кофе. За кофе всѣ молчали. Несмотря на ободряющія рѣчи гувернантки, Марія Александровна испытывала какой-то невольный страхъ, предчувствовала почему-то дурное и была грустна. А Катя была грустна, глядя на нее.

На другой день вечеромъ Катя простилась съ мамой и уѣхала въ Знаменское, Марія Александровна осталась одна. Няня рыдала, спрятавъ лицо въ передникъ. Стоя на крыльцѣ, Марія Александровна долго глядѣла вслѣдъ удалявшемуся экипажу, который чернѣлъ на бѣловатомъ шоссе по пути къ станціи желѣзной дороги. Затѣмъ онъ скрылся и уже не стало видно бѣлаго платочка, которымъ Катя махала своей мамѣ.

Станція; вечерѣтъ; горятъ красненькіе и зелененькіе огоньки. Подходитъ курьерскій поѣздъ. Катя и мадамъ Ожье садятся въ него и уѣзжаютъ въ Знаменское. Наступаютъ затѣмъ ночь, потомъ утро и день, а онѣ все ѣдутъ и ѣдутъ и проѣдутъ еще и другіе ночь и день. Путь далекъ. Чтобы отвлечь дѣвочку отъ печальныхъ мыслей, мадамъ Ожье старается обратить ея вниманіе на всякую

мелочь, попадающуюся имъ на пути. Она указываетъ ей на помѣщицкіи усадьбы, на города и большія села, на встрѣчающіеся рѣчки, овраги и мосты и вообще старается не давать ей задумываться. Катя смотритъ на все съ удивленіемъ и любопытствомъ. Она не можетъ наглядѣться на открывающіеся передъ ней пейзажи, на сады, ручейки, поля—и этотъ длинный путь кажется ей безконечной кинематографической лентой или красивымъ, длиннымъ сномъ.

Но вотъ ужэ кончаются вторыя сутки пути. Темная, звѣздная ночь. Мадамъ Ожье и Катя выходятъ изъ вагона и садятся въ экипажъ.

— Все дома благополучно? спрашиваетъ гувернантка.

— Такъ точно! отвѣчаетъ ей лакей въ ливреѣ и садится на козлы рядомъ съ кучеромъ.

Лошади стучатъ копытами по шоссе, тянутся душистые лѣса, и въ воздухѣ такъ тепло, какъ подъ Москвою въ жаркій полдень. Но Катя не замѣчаетъ ничего. Она утомилась и сладко дремлетъ, положивъ головку къ мадамъ Ожье на колѣни. И только когда уже раздается собачій лай и экипажъ останавливается, она открываетъ глаза. Она видитъ передъ собой въ темнотѣ большой барскій домъ съ колоннами и съ цѣлымъ рядомъ освѣщенныхъ оконъ и чувствуетъ густой, опьяняющій запахъ цвѣтовъ.

Пріѣхали!

Лакей въ ливреѣ спрыгиваетъ съ козелъ, высаживаетъ Катю изъ экипажа и вводитъ въ домъ. Тутъ ее начинаетъ раздѣвать другой лакей въ черномъ фракѣ. Затѣмъ

онъ вводитъ прїѣзжихъ въ ярко освѣщенную залу и кому-то докладываетъ:

— Барышня Петрищева и съ ними мадамъ Ожье!

Катя оглядывается и видитъ въ глубинѣ передъ собою даму и дѣвочку, которыя оглядываютъ ее съ холоднымъ, снисходительнымъ любопытствомъ.

Это Клавдія Сергѣевна и ея дочь Кити.

Катя дѣлаетъ движеніе, чтобы поцѣловать Кити, но та жеманится и только протягиваетъ ей руку.

— Графиня сейчасъ не выйдетъ, обращается Клавдія Сергѣевна къ мадамъ Ожье. — У нея болитъ голова... Едва ли она приметъ сейчасъ дѣвочку.

Затѣмъ она звонитъ. Входитъ горничная.

— Проводите барышню въ ея комнату! говоритъ Клавдія Сергѣевна.

Пройдя рядъ комнатъ и коридоровъ, горничная ввела Катю въ такую роскошную комнату, что дѣвочка невольно почувствовала робость.

— Пожалуйте, барышня!.. сказала она. — Прикажете васъ раздѣть?

— Нѣтъ, мерси, отвѣтила Катя и сдѣлала передъ горничной реверансъ.

Вошла затѣмъ мадамъ Ожье. Онѣ развязали свои узлы и стали уже устраиваться на ночь, какъ вдругъ вошла другая горничная и доложила:

— Графиня желаютъ видѣть барышню.

Катя не безъ страха прижалась къ гувернанткѣ. Та улыбнулась и сама повела ее къ старой графинѣ.

Онѣ застали графиню сидѣвшею въ креслѣ, и около нея, на столикѣ, стояли лампа подъ зеленымъ абажуромъ и нѣсколько пузырьковъ съ лекарствами. Лицо графини было въ тѣни.

— Подойди ко мнѣ поближе! сказала графиня.

Мадамъ Ожье подвела дѣвочку къ самому креслу. Катя сдѣлала бабушкѣ реверансъ и поцѣловала ее въ сухую щеку.

— Здравствуйте, бабушка! сказала она. — Кланяется вамъ мама и заранѣе благодаритъ васъ за меня!

Графиня оглядѣла дѣвочку со всѣхъ сторонъ.

— На кого ты больше похожа, спросила она, — на папу или на маму?

— На папу! отвѣтила Катя.

Послѣдовало молчаніе. Графиня глубоко вздохнула.

— Я нездорова сегодня, дитя мое, сказала она. — Завтра я поговорю съ тобой побольше, а сейчасъ не могу... Иди, дѣточка, къ себѣ... Спокойной ночи...

Катя опять обняла ее и поцѣловала въ щеку. Повидимому, это понравилось графинѣ.

— Ну, полно, полно... сказала она. — Иди къ себѣ баиньки!

Горничная Настя, шурша на ходу юбками, проводила Катю въ ея комнату. Тамъ уже стояли стаканъ молока и двѣ вкусныя булочки, которыя Катя должна была съѣсть съ дороги. Но она уже ѣла съ мадамъ Ожье на ближайшей станціи и не хотѣла.

— Васъ, барышня, раздѣть? спросила Настя.

— Нѣтъ, нѣтъ! испугалась Катя. — Я и сама!

Поѣхали!.

Устали..

Какъ только горничная вышла, Катя подбѣжала къ окну, отдернула занавѣску и выглянула въ садъ. Была темная, теплая ночь и ярко мерцали звѣзды. У самага окна цвѣли кусты жасмина и стояли высокіе пирамидальные тополи. Гдѣ-то далеко, внизу, должно быть на рѣкѣ или на прудѣ, звонко кричали лягушки. Жужжали жуки. Катя вспомнила о своемъ садикѣ и о мамѣ. И вдругъ, ее страстно, безумно потянуло къ себѣ домой, гдѣ нѣтъ такой роскоши, какъ здѣсь, но гдѣ все было просто и правдиво, какъ были просты и правдивы эти звѣзды и эти темнѣшія деревья. Ей захотѣлось увидеть свою мать, броситься къ ней, прижать ее къ себѣ и плакать, плакать безъ конца.

— Зачѣмъ я сюда пріѣхала? спрашивала она себя.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ей уже не нравилось здѣсь, ее тянуло уже домой, но сердце подсказывало ей, что она пріѣхала сюда не даромъ, что здѣсь было что-то особое, что заставило ее разстаться съ матерью и такъ далеко отъ нея уѣхать.

— Но что-же это такое? спрашивала она себя. — Почему я здѣсь?

И ея сердце дало ей твердый и точный отвѣтъ на этотъ ея вопросъ: —

— Ты пріѣхала сюда за тѣмъ, чтобы помирить бабушку и мать.

Она успокоилась, помолилась Богу, перекрестила то мѣсто, гдѣ, по еямнѣнію, должна была находиться ея мать, послала ей воздушный поцѣлуй, улеглась въ постель и заснула.

М. Б—скій.

БѢЛАЯ ФЕЯ.

Это было еще въ тѣ далекія времена, когда во Франціи всей землей владѣли помѣщики, которые жили въ богатыхъ, крѣпко защищенныхъ замкахъ, и на нихъ должны были работать крестьяне. Весь ихъ трудъ принадлежалъ помѣщикамъ и все, что они добывали отъ земли, составляло соб-

ственность ихъ хозяевъ. Часто будучи не въ силахъ выносить свою подневольную жизнь, крестьяне возставали противъ своихъ господъ, и, вооружившись вилами и кольями, бросались на замокъ своего хозяина, брали его съ боя и врывались въ комнаты. И вотъ, въ одинъ изъ такихъ печальныхъ

годовъ, два крестьянина вскапывали заступами землю и потъ градомъ катился у нихъ по лицамъ и просачивался на спинахъ сквозь рубашки.

— Я и конца не вижу всѣмъ этимъ мученіямъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, разгибая спину.—Всю жизнь работаю, какъ волъ, а моя семья едва имѣетъ чѣмъ утолить голодь. Такъ дольше продолжаться не можетъ. Вся наша жизнь для господъ! Это несправедливо! Мы такіе-же люди, какъ и они!

— Если твой баринъ притѣсняетъ тебя, отвѣтилъ другой,—то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы я поднималъ руку на своего. Я доволенъ своимъ господиномъ графомъ Версель и буду ему служить, какъ и служилъ до сихъ поръ!

— Да ты пойми, Жакъ, что все-таки ты остаешься подневольнымъ! Умретъ твой добрый графъ Версель, и ты достанешься его наслѣднику, который можетъ скрутить тебя потомъ въ три дуги! Присоединяйся къ намъ!

— Нѣтъ Пьеръ, рѣшительно отвѣтилъ Жакъ,—я никогда не подниму руку на своего господина! Это было-бы грѣхомъ. Но неужели-же ты такъ недоволенъ своей судьбой?

Пьеръ горько усмѣхнулся.

— Быть довольнымъ своей судьбой, угрюмо отвѣтилъ онъ,—когда дома нѣтъ ни крошки хлѣба и

когда моя маленькая Лена, мое единственное дитя, лежитъ больная, и теперь можетъ быть, даже при смерти,—и у меня нѣтъ ни лекарства, ни денегъ, чтобы позвать къ ней доктора и помочь ей! Она страдаетъ уже цѣлый годъ!

— Цѣлый годъ? съ сочувствіемъ переспросилъ Жакъ.—Бѣдное дитя!

— Да, бѣдное дитя! Я не знаю, какая у нея болѣзнь, но она такъ слаба и такъ блѣдна, что на нее жалко смотрѣть! Я знаю, что это отъ постоянного недоѣданія, а что я могу сдѣлать? Кто ее покормитъ досыта? Кто ей дастъ молока?

— Я!.. вдругъ послышался чей-то нѣжный музыкальный голосъ.

Оба крестьянина вздрогнули и, полные удивленія, посмотрѣли на кусты.

Въ нихъ стояла молодая дѣвушка.

— Бѣлая фея!.. проговорили оба. Эта дѣвушка была прекрасна, какъ майскій цвѣтокъ; она была одѣта въ простое, длинное бѣлое платье и держала въ рукахъ цвѣты.

— Я помогу твоей дочери, повторила она. — Укажи мнѣ, гдѣ она живетъ?

Не надѣвая шапки, съ глубокопочтительнымъ поклономъ, Пьеръ повелъ ее черезъ кустарники и поле къ своему жилищу.

— Здѣсь... сказалъ онъ, доведя ее до жалкой лачуги.

Дѣвушка остановилась у порога.

— Оставь меня одну, сказала она.—Если твоя дочь больна отъ голода, то она встрѣтитъ тебя сегодня вечеромъ улыбкой, а черезъ нѣсколько дней поправится и со-всѣмъ.

Пьеръ поклонился ей и послушно возвратился къ Жаку. Дѣвушка вошла въ лачугу, пробыла въ ней около получаса и ушла къ себѣ. Вслѣдъ затѣмъ въ лачугу вошелъ какой-то неизвѣстный человекъ, скрывавшій своелицо, и поставилъ передъ дѣвочкой Леной большую корзину, полную съѣстныхъ припасовъ. Дѣвочка съ жадностью принялась ихъ ѣсть. Неизвѣстный гладилъ ее по головѣ и давалъ ей только то, что могло ей помочь.

А тѣмъ временемъ Пьеръ говорилъ Жаку:

— Теперь моя дочь спасена! Она будетъ здорова! Разъ уже Бѣлая Фея осчастливила меня и посѣтила мой домъ, — то это значитъ, что Лена выздоровѣетъ! Такъ бываетъ всегда, когда къ кому-нибудь является Бѣлая Фея.

— А она на самомъ дѣлѣ Фея? спросилъ съ суевѣрнымъ страхомъ Жакъ.

— Не знаю. Всѣ говорятъ, что всюду, гдѣ только она ни появляется, выздоравливаютъ больные и голодные становятся сытыми. Никому неизвѣстно, кто она и откуда она приходитъ. Что-то странное.

Жакъ задумчиво поглядѣлъ вдаль.

— А я какъ-то слышалъ, сказалъ онъ, — что это дочь нашего помѣщика графа Верселя. Она приходитъ сюда изъ города, гдѣ живетъ послѣ смерти своей матери, у какой-то благочестивой монахини...

— Кто знаетъ?.. съ сомнѣніемъ отвѣтилъ Пьеръ.—Все можетъ быть! Я увѣренъ, что это—добрая волшебница! Не даромъ-же всѣ зовутъ ее Бѣлой Феей!

Наступилъ вечеръ и оба крестьянина отправились каждый къ себѣ домой. Возвращаясь въ свою лачугу, Пьеръ, къ изумленію своему, засталъ у себя дома большую перемѣну. Его дочь уже сидѣла на краю кровати, и, все еще блѣдная и худая, но съ ярко блестящими глазами, улыбалась.

— Здравствуй, папа!.. сказала она въ первый разъ за всѣ эти послѣдніе дни.

Пьеръ пришелъ въ неописуемую радость.

— Лена! воскликнулъ онъ.—Лена! Ты уже сидишь? Ты уже смѣешься? Значитъ, у тебя была Бѣлая Фея и помогла тебѣ?

Дѣвочка указала ему глазами на столъ. На немъ еще лежали хлѣбъ, мясо и кое-какая зелень. Онъ увидалъ ихъ, сложилъ руки ладонями вмѣстѣ и поднялъ къ небу глаза. У него, суроваго, угрюмаго крестьянина, появились на

нихъ слезы. Затѣмъ онъ съ жадностью сталъ ѣсть.

— Долго она просидѣла здѣсь? спросилъ отецъ.

— Нѣтъ, не долго! отвѣтила дѣвочка.—Послѣ нея приходилъ какой то дядя съ закрытымъ лицомъ и принесъ корзинку съ ѣдой...

— Дядя, мужчина съ закрытымъ лицомъ? Почему съ закрытымъ?..

— Не знаю... Онъ тоже добрый... Онъ гладилъ меня по головѣ и кормилъ...

Пьеръ не понималъ ровно ничего.

На другой день и затѣмъ на слѣдующіе Бѣлая Фея опять посѣтила лачугу Пьера и всякій разъ въ его отсутствіе. И всякій разъ, возвращаясь съ работы, Пьеръ заставлялъ дома хлѣбъ и молоко и замѣчалъ, что здоровье его дочери становилось все лучше и лучше. Къ концу недѣли она поправилась совсѣмъ.

И въ самый послѣдній день случилось такъ, что Пьеръ засталъ Бѣлую Фею у себя.

— Сударыня... дорогая барышня, залепеталъ онъ, не зная, какъ ее назвать. — Я такъ глубоко вамъ благодаренъ! Но я—простой бѣдный крестьянинъ и у меня нѣтъ ничего, чѣмъ-бы я могъ вамъ отплатить за вашу доброту. Берите мою жизнь! Съ этихъ поръ она принадлежитъ вамъ!

— Она должна принадлежать не мнѣ, а твоей дочери, ласково

отвѣтила Бѣлая Фея.—А теперь—прощайте! Очень рада, что смогла вамъ помочь.

Она ушла и оставила ихъ однихъ. Въ тотъ-же вечеръ, крадучись и озираясь по сторонамъ, черезъ кустарники пробирался неизвѣстный человѣкъ съ закрытымъ лицомъ. Онъ несъ на рукахъ корзину, наполненную съѣстными припасами. Въ это время Жакъ еще работалъ въ полѣ. Неизвѣстный не замѣчалъ его. Увидѣвъ его, Жакъ притаился и сталъ наблюдать. Неизвѣстный остановился, чтобы перевести духъ, и неосторожнымъ движеніемъ руки сбросилъ съ себя капюшонъ, скрывавшій его лицо.

— Нашъ графъ Версель!.. прошепталъ въ испугъ Жакъ, узнавши незнакомца.—Мой хозяинъ и господинъ!

Графъ Версель быстро поправилъ на себѣ капюшонъ и пошелъ своей дорогой.

Жакъ еще долго смотрѣлъ ему вслѣдъ и вскорѣ увидѣлъ, какъ онъ подошелъ къ избушкѣ Пьера и, крадучись и боясь, какъ бы его не замѣтили, сунулъ въ ея окно корзину съ припасами. А затѣмъ онъ еще плотнѣе закрылъ свое лицо и быстро - быстро ушелъ куда-то въ сторону и скоро скрылся изъ глазъ.

„Странно“, подумалъ Жакъ. — „Вѣдь Пьеръ не его крестьянинъ! Графъ Версель—для него чужой!“...

Графъ догналъ. Бѣлую Фею и,

уже вдвоемъ, и не опасаясь быть узванными, они отправились къ себѣ въ замокъ.

Да, молва не ошиблась! Эта дѣвушка, которую всѣ звали Бѣлой Феей, была дѣйствительно дочерью графа Верселя. Звали ее—Габріэль. Она рано лишилась своей матери и осталась на рукахъ своей няни, которая воспитала ее и ушла затѣмъ въ монастырь. Графъ Версель не чаялъ въ своей дочери души. Она была похожа лицомъ и манерами на мать, которую онъ обожалъ, — и это заставляло его еще больше любить дочь. И графъ, и Габріэль въ память покойной рѣшили тайно дѣлать добро — и никто не зналъ, что это были именно они. Носились слухи, что это были графъ Версель и его дочь Габріэль, но точно этого не зналъ никто, и народная фантазія стала представлять себѣ эту дѣвушку, какъ добрую волшебницу, и прозвала ее Бѣлой Феей.

Чтобы лучше сохранить свою тайну, Габріэль выходила обыкновенно изъ своего замка черезъ заднюю потайную калитку, которая вся заросла деревьями и кустарниками и вела прямо въ лѣсъ. Она отправлялась рано утромъ въ своемъ неизмѣнномъ бѣломъ платьѣ, весь путь совершала пѣшкомъ и затѣмъ, возвратясь домой, обо всемъ рассказывала своему отцу. Онъ надѣвалъ на себя шикарную накидку съ капюшономъ,

бралъ корзинку съ припасами и отправлялся туда, куда она ему говорила.

А тѣмъ временемъ крестьяне рѣшили добиться свободы съ оружіемъ въ рукахъ. Во главѣ возмущившихся всталъ Пьеръ и было рѣшено, что всѣ замки будутъ разрушены или сожжены и всѣ запасы будутъ захвачены и розданы между всѣми крестьянами поровну. Это было ужасное время, полное несправедливостей и насилій съ обѣихъ сторонъ. Только графъ Версель и его дочь стояли отъ всего движенія въ сторонѣ. Но никто не зналъ, что Бѣлой Феей и таинственнымъ незнакомцемъ были именно они, и потому и ихъ замокъ былъ обреченъ на разграбленіе и пожаръ.

Габріэль узнала объ этомъ, но это нисколько ее не испугало. Ей только стало глубоко жаль и обидно, что люди не понимали людей и возставали одинъ противъ другого.

„Волны борются одна съ другою и бушуютъ, думала она, — но всѣ онѣ состоятъ изъ одной и той-же морской воды. Всѣ онѣ родныя. Такъ и люди — всѣ они братья между собой и должны любить другъ друга“..

И она выпрямилась во весь свой ростъ.

— Я не допущу, рѣшительно сказала она, — чтобы одни возставали противъ другихъ! Я не по-

зволю, чтобы проливалась кровь!

Чѣмъ она можетъ это сдѣлать? Какими средствами она сможетъ предотвратить предстоящую несправедливость?

Но тутъ-же сомнѣнія наполнили ея душу, но это продолжалось лишь одну только секунду.

— Я знаю, чѣмъ! еще рѣшительнѣе отвѣтила она себѣ.—Только лаской и милосердіемъ и больше ничѣмъ!

Въ тотъ день, когда должно было состоятся нападеніе на замокъ графа Версея, Габріэль приказала своимъ слугамъ отпереть всѣ двери въ замокъ и позвать къ себѣ свою старую служанку Эсфирь.

-- Эсфирь, обратилась она къ ней,—отправься сейчасъ-же въ ссѣднее имѣніе и тамъ далеко, у самага лѣса, ты увидишь убогую хижину крестьянина Пьера. На ней еще красная крыша изъ битой черепицы. Войди въ нее и тамъ ты найдешь маленькую дѣвочку по имени Лена. Склонись надъ ней и скажи ей тихонько только слѣдующія слова:—„Бѣлая Фея прислала за тобой. Она ждетъ тебя къ себѣ. Пойдемъ къ ней сію-же минуту!“

Часъ спустя, маленькая дѣвочка, полная удивленія и дѣтскаго любопытства, уже была въ замкѣ графа Версея, переходила изъ залы въ залу и наконецъ вошла къ Бѣлой Фей. Габріэль встрѣтила ее, обняла и поцѣловала.

— Пойдемъ внизъ! сказала она.—Сядемъ въ приемной и будемъ разговаривать!..

Они сошли въ приемную залу, Габріэль сѣла въ большое фамиліное кресло и стала вышивать. Лена приникла къ ней и широко открывъ большіе глаза, стала слушать ея рассказъ.

Спускался вечеръ. Всѣ въ замкѣ затихли. Старый графъ Версель, не подозрѣвая ничего, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и читалъ. Габріэль рассказывала Ленѣ сказки и исторіи о рыцаряхъ и въ то же время прислушивалась. Она была вполне спокойна. Иногда, незамѣтно отъ Лены, она оборачивалась и поглядывала на окна, въ которыя уже начинала засматривать ночь. Вдругъ она услышала вдаль какой-то шумъ, звонъ оружія и сквозь стекла блеснуло красное пламя факеловъ.

„Они уже здѣсь“... проговорила она.

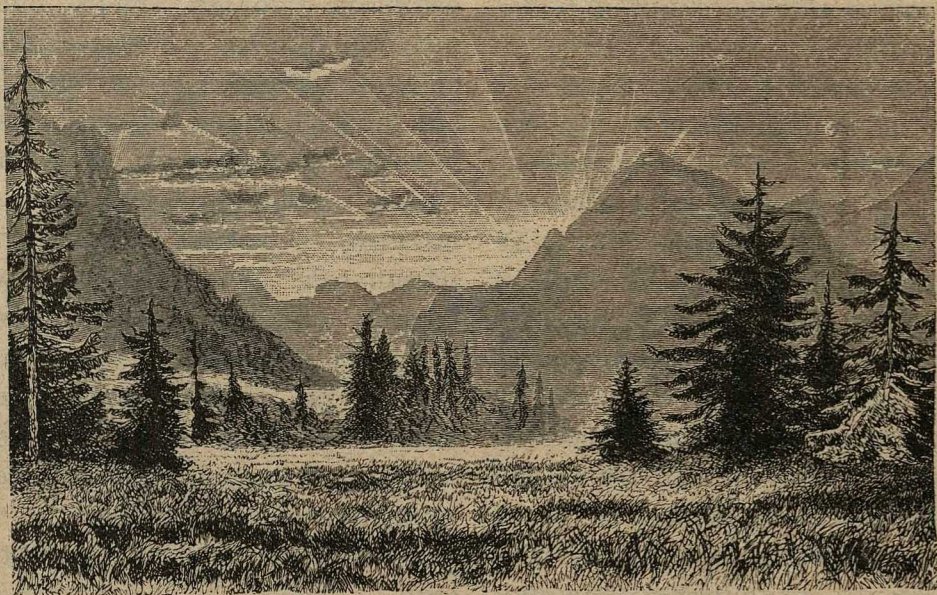
И она поудобнѣе усѣлась въ рѣзное фамиліное кресло и посадила Лену къ себѣ на колѣни. Зажженные свѣчи въ канделябрахъ окрашивали ея блѣдное платье въ свѣтло-желтый цвѣтъ.

Наступила подозрительная тишина и затѣмъ вокругъ замка раздался вдругъ крикъ нѣсколькихъ сотенъ голосовъ. Потомъ черезъ отворенныя настежь ворота и по спущеннымъ мостамъ толпа ворвалась во дворъ замка.

— Поджигайте! Поджигайте! слышались голоса.— Не жалѣйте ничего!

Старый графъ въ испугѣ и недоумѣннѣ вышелъ изъ своего кабинета и съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на дочь. Она по-прежнему не шевелилась и такъ и замерла съ дѣвочкой на колѣняхъ. Тогда

— Здравствуй, Пьеръ! вдругъ послышался нѣжный, ласковый, чарующій, какъ музыка, голосъ Бѣлой Феи.— Ты, вѣроятно, испугался, что исчезла твоя дочь и пришелъ сюда за ней? Не бойся, милый! Она въ безопасности. Это я послала за ней и взяла ее сюда... Крестьяне увидали дѣвushку и

Вечеръ.

онъ быстро снялъ со стѣны свои доспѣхи, надѣлъ ихъ на себя и схватилъ свой мечъ.

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! закричалъ онъ.— Сюда, мои вѣрные солдаты; ко мнѣ!

Но было уже поздно. Двери широко распахнулись и въ залу ворвалась съ вилами, кольями и факелами обезумѣвшая толпа. Впереди всѣхъ—ея предводитель Пьеръ.

опустили свое оружіе. Передъ ними была спокойная и привѣтливая Бѣлая Фея, которую они обожали и которая всѣмъ имъ оказала столько добра. Пристыженные, полные удивленія и неловкости за то, что такъ дерзко они переступили ея священный для нихъ порогъ, они отступили назадъ и робко стали щептаться:

— Бѣлая Фея!.. Бѣлая Фея!..

— Да, это Бѣлая Фея!.. громко проговорилъ Пьеръ и опустилъ голову.

А затѣмъ онъ подошелъ къ Габріэли и отпустился передъ ней на колѣна.

Габріэль спустила Лену на полъ. Дѣвочка подбѣжала къ отцу и обняла его за шею. Это еще болѣе смягчило сердце Пьера.

Графъ Версель поднялъ шлемъ и съ удивленіемъ сталъ смотрѣть то на крестьянъ, то на дочь, то на склонившагося передъ ней въ почтительной позѣ Пьера. Онъ ровно ничего не понималъ. Были ли это враги или друзья? Нужно ли было защищаться отъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, или же принимать ихъ, какъ гостей?

И онъ вопросительно посмотрѣлъ на Габріэль.

— Кто эти люди? спросилъ онъ въ недоумѣніи. — Чего они хотятъ? Зачѣмъ они пришли?

— Успокойся, папа! просто отвѣтила ему Габріэль. — Эти люди хотѣли меня видѣть и вотъ пришли сюда, чтобы убѣдиться, что ихъ Бѣлая Фея — это дѣйствительно я. Прикажи ихъ угостить!

Графъ позвонилъ. На его зовъ явились слуги.

— Накормить всѣхъ этихъ людей! распорядился онъ. — Сегодня они мои гости и я не пожалѣю для нихъ ничего!

И всѣ эти десятки ожесточившихся людей мирно вышли на дворъ и усѣлись за длинные столы, на которыхъ имъ были поставлены обильныя блюда. Голодные, давно не видавшіе ласки, тронутые привѣтливостью графа и Габріэли, они позабыли о томъ, зачѣмъ сюда пришли и принялись за ѣду.

— Да здравствуетъ графъ Версель! кричали они со двора.

— Спасибо вамъ! отвѣчаль имъ графъ съ балкона. Приходите еще разъ!

— Да здравствуетъ Бѣлая Фея! продолжали кричать крестьяне.

А Бѣлая Фея ходила въ это вре-

На лугу.

мя между столами и каждому под-
кладывала еще и еще.

— Пейте и ѣшьте вволю! го-
ворила она.— Хватить на всѣхъ!

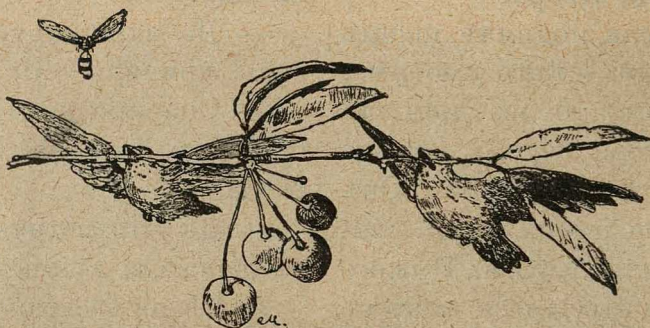
А сама въ это время думала:

„Волны борются одна съ другой,
но всѣ онѣ состоятъ изъ одной
и той-же морской воды. Всѣ онѣ—

родныя сестры. Такъ и люди. Всѣ
они—братья между собой и дол-
жны любить другъ друга“.

А надъ замкомъ уже спусти-
лась темная ночь и при свѣтѣ
факеловъ десятки ужинавшихъ
крестьянъ представляли собою
странную, невиданную картину.

Съ французскаго, по А. Bailly.

ВЪ ЗНОЙ.

Уфъ, какъ жарко!.. Свѣтитъ ярко
Солнышко съ небесъ...

Душно въ домѣ и въ истомѣ
Такъ и тянетъ въ лѣсъ.

Такъ и сталь-бы обливаться

Прямо изъ ведра,

Иль въ струяхъ рѣки плескаться

Съ самаго утра!

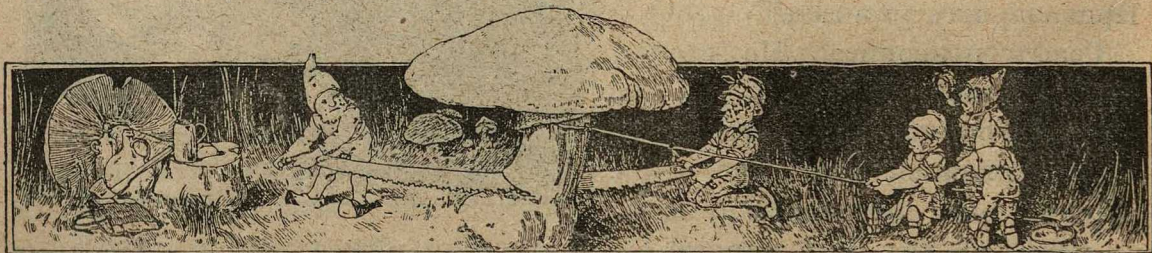
Стало жарко... Часъ отъ часу

Все теплѣй, душнѣй...

Квасу, квасу! Дайте квасу,

Да похолоднѣй!.

Кузнечикъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ.

Разсказъ моей прабабушки.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

На слѣдующій день, когда послѣ обычныхъ занятій мы всѣ вышли въ садъ, я сдѣлала видъ, что вовсе не смотрю на Эмѣ. Начальница тоже. Эмѣ воспользовалась этимъ, надѣла шляпку и вышла на улицу.

— Теперь пора! обратилась ко мнѣ г-жа Джексонъ.—Иди и ты.

— Но пришель-ли Джимъ? возразила я.

Я сбѣгала за шляпкой и тотчасъ-же возвратилась обратно. вмѣстѣ съ начальницей мы обѣ вышли изъ калитки на улицу. Боже мой! Какъ странно я почувствовала себя за стѣною своего пансіона! Какой чуждой показалось мнѣ эта шумная, дѣятельная жизнь, которая происходила на улицѣ!

Тотчасъ-же къ намъ подошелъ и Джимъ. Онъ опять вѣжливо раскланялся съ начальницей и поцѣловалъ ей руку. Она осталась этимъ очень довольна.

— Ну, сестра, пойдемъ! сказалъ онъ.—А то Эмѣ уже далеко. Я все-таки не долженъ упускать ее изъ виду!

Г-жа Джексонъ передала ему меня съ рукъ на руки и мы пошли. Впереди насъ, на далекомъ разстояніи виднѣлась спѣшившая фигура Эмѣ.

— Сейчасъ ты узнаешь все, сказалъ мнѣ Джимъ. Тамъ есть какая-то тайна и ее обязательно надо узнать. Когда узнаешь, то обо всемъ сообщи своему отцу!

Мы прошли минутъ съ десять по нашей улицѣ, затѣмъ свернули налѣво, потомъ опять налѣво и вступили въ какой-то сырой, грязный переулочекъ. Мнѣ показалось въ немъ противно.

Всю дорогу мы шли молча, да я все-равно отъ волненія и не смогла-бы говорить. Все время я не спускала глазъ съ Эмѣ, боясь потерять ее изъ виду. Она-же, по-видимому, совершенно не подозрѣвала, что за нею слѣдили, такъ какъ тоже была занята своими мыслями и ни разу не обернулась.

— Куда она идетъ? наконецъ нарушила я молчаніе.

— А вотъ увидишь! отвѣтилъ Джимъ.— Только, пожалуйста, не волнуйся такъ, а то ты блѣдна, какъ смерть.

Теперь мы шли уже по совсѣмъ узенькому, грязному переулку и мнѣ казалось страннымъ, какъ это Эмѣ не боялась ходить здѣсь одна. Я тѣснѣе прижалась къ Джиму и могла слышать, какъ стучало мое сердце.

Скоро Эмѣ остановилась около какого-то ободраннаго дома и оглянулась по сторонамъ. Джимъ заслонилъ меня собой. Она замѣтила его, весело кивнула ему головою, очевидно, принявъ его присутствіе здѣсь за желаніе не дать ее въ обиду, и вошла въ дверь.

— Ну, теперь войдемъ туда и мы! обратился ко мнѣ Джимъ.

Мы поднялись по узкой, гряз-

ной лѣстницѣ, на которой пахло табакомъ и вверхъ и внизъ бѣгали въ лохмотьяхъ дѣти. Вѣроятно, это было единственное мѣсто ихъ прогулокъ. Взобравшись на самый верхъ, мы остановились передъ незапертой дверью. Я перевела духъ.

— Здѣсь... сказалъ Джимъ.

Мы вошли въ квартиру и тотчасъ-же я услышала крикъ испуга. Передъ нами стояла наша Эмэ, уже безъ шляпки и безъ накидки, и смотрѣла на насъ большими, удивленными глазами. Она была блѣдна, какъ полотно. Она совершенно не ожидала, что я узнаю ея тайну и явлюсь къ ней своей собственной особой.

— Ага! Поймалась! пошутилъ надъ нею Джимъ.

Она не отвѣтила ничего. Она продолжала смотрѣть на меня съ пугливымъ безпокойствомъ, а я стояла, не зная, куда отъ конфуза дѣвать свои руки, и щеки мои пылали отъ стыда. Я еще никогда въ жизни не подглядывала ни за кѣмъ.

Комната была очень мала и низка. Все въ ней было убого и старо, но было видно, что чья-то заботливая рука прибирала ее каждый день. Небольшой деревянный столикъ, двѣ табуретки, большое складное кресло, да двѣ полки съ книгами—составляли всю ея меблировку. При нашемъ появленіи съ кресла, кряхтя и съ трудомъ, поднялся какой-то очень блѣдно одѣтый господинъ, очень блѣдный и больной, и вопросительно на меня поглядѣлъ. Я тотчасъ же узнала, кто это могъ быть. Эмэ такъ была поразительно на него похожа, что я не задумывалась-бы ни на одну

секунду и могла-бы утверждать, что это былъ ея родной отецъ. Благородствомъ и изысканностью выраженія свѣтилось его лицо. Теперь тайна уже не существовала для меня. Теперь для меня было ясно, что Эмэ ходила именно къ своему отцу и что иначе поступать не могла.

— Здравствуйте, Джимъ!.. привѣтствовалъ онъ моего кузена слабымъ голосомъ.

— Это-моя двоюродная сестра Софи, отвѣтилъ ему Джимъ. — Это дочь г-на Хартрея.

Господинъ протянулъ мнѣ руку. Я пожала ее и мнѣ показалось, что я пожимала однѣ только кости: такъ она была худа.

— А это — господинъ Смитъ! представилъ его мнѣ Джимъ.

Больной посмотрѣлъ на него, потомъ на меня и сказалъ:

— Не Смитъ, а природный маркизъ Бутенвиль!..

— Папа!.. прервала его Эмэ.

— Да, да, Эмэ! продолжалъ онъ. — Для другихъ я—Смитъ, ты тоже Смитъ, но передъ дочерью нашего благодѣтеля г-на Хартрея, пріютившаго тебя у себя и воспитавшаго тебя, какъ родную дочь, — лжи и укрывательства быть не можетъ. Мадмуазель Софи! Вы видите передъ собою французскаго маркиза Бутенвиля и его дочь Эмэ!

Я чувствовала себя точно во снѣ.

— Эмэ, Эмэ, воскликнула я. — Отчего ты скрывала, что уходила къ своему отцу?

Эмэ посмотрѣла на меня, потомъ на своего отца и опустила глаза.

— Прости меня, Соня, ска-

зала она.—Я виновата передъ тобой и передъ г-жей Джексонъ. Но поступить иначе я не могла.—Это тайна самого папы. Если хочешь, спроси его самого!

Больной уже опять сидѣлъ у себя въ креслѣ и тяжело дышалъ. Разговоръ его со мной и вставаніе съ мѣста утомили его. Онъ сдѣлался еще блѣднѣе, чѣмъ былъ.

— Тайна твоего папы? тихо спросила я у Эмэ.— Развѣ онъ что-нибудь сдѣлалъ, что долженъ былъ переименовать свою фамилію и такъ долго скрывать, что онъ маркизь?

— Спроси его самого, глухо отвѣтила Эмэ.— Онъ приказывалъ мнѣ молчать и вотъ открылся передъ тобой самъ!

Больной услышалъ ея послѣднюю фразу.

— Да, я приказывалъ тебѣ, Эмэ, скрывать это отъ всѣхъ! отозвался онъ.— Пока еще надо мною тяготѣлъ приговоръ, обо мнѣ не долженъ былъ знать никто.— Но передъ дочерью нашего благодѣтеля мы не можемъ скрывать ничего. Это было-бы не благородно.

И замѣтивъ мое смущеніе, онъ указалъ мнѣ на табуретку.

— Садитесь, мадмуазель Хартрей.— Вотъ такъ! Я знаю, что дни мои уже сочтены, знаю также, что мой серебряный кубокъ у васъ,—и потому не скрою отъ васъ ничего. Выслушайте-же меня. Это будетъ моимъ завѣщаніемъ относительно Эмэ. Вѣроятно, я скоро умру.

— Папа! снова воскликнула Эмэ со слезами на глазахъ.

— Такъ нужно, Эмэ, продолжалъ больной.— Судьба слишкомъ преслѣдовала меня и наконецъ

сломила совѣсть. Пусть-же мадмуазель Хартрей выслушаетъ меня и передастъ обо всемъ своему отцу. Не даромъ-же эта-же самая судьба именно ей вручила мой завѣтный серебряный кубокъ! Значить, такъ должно быть.

Я была очень взволнована и едва сидѣла на мѣстѣ. Маркизь Бугенвиль сдѣлалъ Джиму знакъ рукой и Джимъ тотчасъ-же послушно вышелъ. Я и Эмэ остались съ больнымъ однѣ.

— Я не ожидалъ васъ, мадмуазель Софи, обратился ко мнѣ больной,—но сколько разъ порывался просить Эмэ, чтобы она привела васъ сюда! Черезъ Эмэ я узналъ, что мой кубокъ у васъ,—слѣдовательно, вы должны знать все. Теперь вы у меня, пришли сюда сами—значить, этого тоже хотѣла сама судьба. Выслушайте-же меня внимательно и потомъ расскажите обо всемъ вашему отцу. Теперь это необходимо. Судьба моей дочери и вашего серебрянаго кубка тѣсно связаны между собой.

И онъ началъ свой рассказъ.

— Я природный французскій маркизь Бугенвиль. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ я былъ посланъ моимъ императоромъ Наполеономъ сюда въ Лондонъ, служить въ здѣшнемъ французскомъ посольствѣ. Я служилъ ему вѣрой и правдой, я былъ преданъ ему тѣломъ и душой и если-бы онъ потребовалъ отъ меня, чтобы я для него умеръ, то я не задумался-бы это сдѣлать ни на одну минуту. Наполеонъ любилъ меня, всегда обо мнѣ помнилъ и цѣнилъ мою службу. Это радовало меня и подбодряло.

„Живя въ Лондонѣ, я вращался, въ самомъ высшемъ англійскомъ

обществѣ. Между прочимъ я поз-
накомился тамъ съ семейю Ольд-
кортъ. Я былъ принятъ у нихъ въ
домѣ, часто бывалъ у нихъ и, по-
видимому, пользовался ея распо-
ложеніемъ. Но я чувствовалъ, что
они относились ко мнѣ не какъ
къ человѣку, а какъ къ маркизу и
служившему въ посольствѣ. Это
впослѣдствіи и оправдалось. Семья
Ольдкортъ состояла изъ старика
отца, сына его Джемса и прелест-
ной дѣвушки дочери Люси. Я по-
любилъ Люси и она полюбила меня.
Мы рѣшили жениться. Я сдѣлалъ
формальное предложеніе и попро-
силъ у ея отца ея руки. Къ моему
изумленію, онъ мнѣ въ этомъ от-
казалъ. Я спросилъ о причинѣ.
Тогда онъ отвѣтилъ, что ни за что
на свѣтѣ не согласится выдать
свою дочь за француза, такъ какъ
всегда считалъ французовъ вра-
гами своего отечества. Это меня
обидѣло. Я обратился за содѣй-
ствіемъ къ его сыну Джемсу, но
и онъ отвѣтилъ мнѣ, что во всемъ
раздѣляетъ убѣжденія своего отца.
Тогда мнѣ ничего не оставалось
дѣлать, какъ только прекратить съ
ними знакомство, такъ какъ они
оба ясно высказались, что счи-
таютъ меня своимъ врагомъ. Но
разстаться съ Люси я не могъ. Мы
стговорились съ ней, уже не раз-
считывая на согласіе ея отца и
брата Джемса, рѣшили бѣжать и
обвѣнчаться тайно. Такъ мы и
сдѣлали. Люси отправилась на про-
гулку, я встрѣтилъ ее на дорогѣ, мы
поѣхали въ церковь и обвѣнчались.
Теперь мы уже были мужемъ и
женой. Я не нуждался ни въ чемъ,
я былъ тогда очень богатъ и потому
могъ ни въ чемъ не зависѣть отъ
Ольдкортъ. Но я счелъ своей обя-

занностью увѣдомить о нашей
свадьбѣ Ольдкорта. Онъ отвѣтилъ
Люси такъ: „Я проклиная тебя“.
Это опечалило насъ обоихъ. Оста-
ваться въ Лондонѣ было уже не-
удобно, такъ какъ всѣ скоро узнали,
что я женился на Люси противъ
воли ея отца и брата,—и мы рѣ-
шили переѣхать на жительство ко
мнѣ на родину, во Францію, въ
Парижъ.

„Въ это время случилось печаль-
ное событіе. Мой обожаемый импе-
раторъ Наполеонъ послѣ несчаст-
наго похода въ Россію былъ низло-
женъ съ французскаго престола и
сосланъ на островъ Эльбу. Намъ
назначили новаго короля Людо-
вика XVIII-го, котораго никто во
Франціи не любилъ и который ни-
чего общаго съ Франціей не имѣлъ.
Я оставался вѣренъ Наполеону
до гробовой доски и не хотѣлъ
признавать Людовика XVIII сво-
имъ королемъ. Но теперь онъ
былъ нашимъ законнымъ коро-
лемъ, и я долженъ былъ съ этимъ
примириться. Мы поселились въ
Парижѣ, въ своемъ собственномъ
домѣ, съ его старинной велико-
лѣпной обстановкой и съ предан-
ными слугами, которые были мнѣ
вѣрны, такъ какъ знали меня еще
съ колыбели. Вскорѣ у насъ роди-
лась наша первая и единственная
дочь—вотъ эта самая Эмэ. Ея ро-
жденіе стоило жизни ея матери.
Бѣдная Люси умерла, и я остался
одинъ съ груднымъ ребенкомъ на
рукахъ. Я воспитывалъ Эмэ самъ;
я самъ ее укачивалъ, пѣлъ надъ нею
пѣсни и, глядя на ея глазки, вспо-
миналъ о прекрасныхъ глазахъ
моей дорогой покойной жены.

„Какъ вдругъ разнеслась вѣсть,
что Наполеонъ бѣжалъ съ острова

Эльбы и возвратился во Францію. Тотчасъ-же всѣ войска присягнули ему вновь, я—тоже, и онъ съ торжествомъ въѣхалъ въ Парижъ. Всѣ французы обрадовались. Трусливый король Людовикъ XVIII бросилъ все и бѣжалъ. Наполеонъ вновь взошелъ на престолъ. Франція опять гордо подняла свою голову. Опять всѣ короли Европы затрепетали передъ нашимъ могучимъ императоромъ. Я былъ внѣ себя отъ восторга. Я привѣтствовалъ однимъ изъ первыхъ Наполеона, онъ узналъ меня и приблизилъ меня къ себѣ. Но русскіе, пруссаки и англичане не могли допустить возвращенія Наполеона. Они объявили ему войну. Онъ принялъ ихъ вызовъ. Но силы союзниковъ были громадны, французамъ не удалось ихъ преодолѣть, и въ битвѣ при Ватерлоо мы потерпѣли поражение. вмѣстѣ съ другими былъ взятъ въ плѣнъ и я. Наполеона скоро схватили и сослали на вѣчное житіе на одинокую скалу въ Атлантическомъ океанѣ, гдѣ онъ и умеръ, вдали отъ всѣхъ, разлученный съ Франціей и со своимъ единственнымъ сыномъ.

„Не стану перечислять вамъ, что я испыталъ въ плѣну. Людовикъ XVIII скоро опять возвратился въ Парижъ и снова сталъ французскимъ королемъ. Всѣ лица, которыя перешли на сторону Наполеона, подверглись отъ него жестокимъ преслѣдованіямъ. Однихъ сослали, другихъ сгноили въ тюрьмѣ. Та-же участь ожидала и меня. Пруссакіи, у которыхъ я находился въ плѣну, выдали меня Людовику XVIII, надо мной долженъ былъ состояться военный судъ, мнѣ грозила каторга и все мое иму-

щество должно было отойти въ казну.

„Я не боялся за себя. Если мой императоръ томился на одинокой скалѣ подъ палящими лучами тропическаго солнца, думалъ я,—то я и подавно могу перенести за него любя каторжныя работы. Но меня ужасала разлука съ Эмѣ. Разстаться съ нею я не могъ.

„Предвидя несчастье, мой старый, вѣрный слуга Жакъ рѣшилъ спасти мое имущество отъ захвата. Въ мое отсутствіе, и на свой страхъ онъ все распродалъ, выручилъ громадную сумму денегъ и внесъ ее въ банкъ.

— „На чье имя вы вносите эти деньги? спросили его въ банкѣ.

„Онъ подумалъ. Если-бы онъ сказалъ, что на мое, то всѣ деньги все равно отобрали-бы въ казну; если-бы онъ положилъ ихъ на свое имя, то въ случаѣ его смерти, онъ достались бы не мнѣ, и не Эмѣ, а его племяннику, простому мужику. Этого онъ не хотѣлъ. Тогда онъ сообразилъ. Онъ взялъ два серебряныхъ старинныхъ кубка съ надписью „свято исполняй свой долгъ“ и одинъ изъ нихъ протянулъ къ кассиру. — „Выдайте всѣ эти деньги тому, сказалъ онъ,—кто представитъ вамъ впослѣдствіи точь-въ-точь такой-же другой серебряный кубокъ“. Кассиръ принялъ отъ него кубокъ и спряталъ его вмѣстѣ съ деньгами. Другой-же кубокъ мой вѣрный Жакъ спряталъ у себя до свиданія со мной.

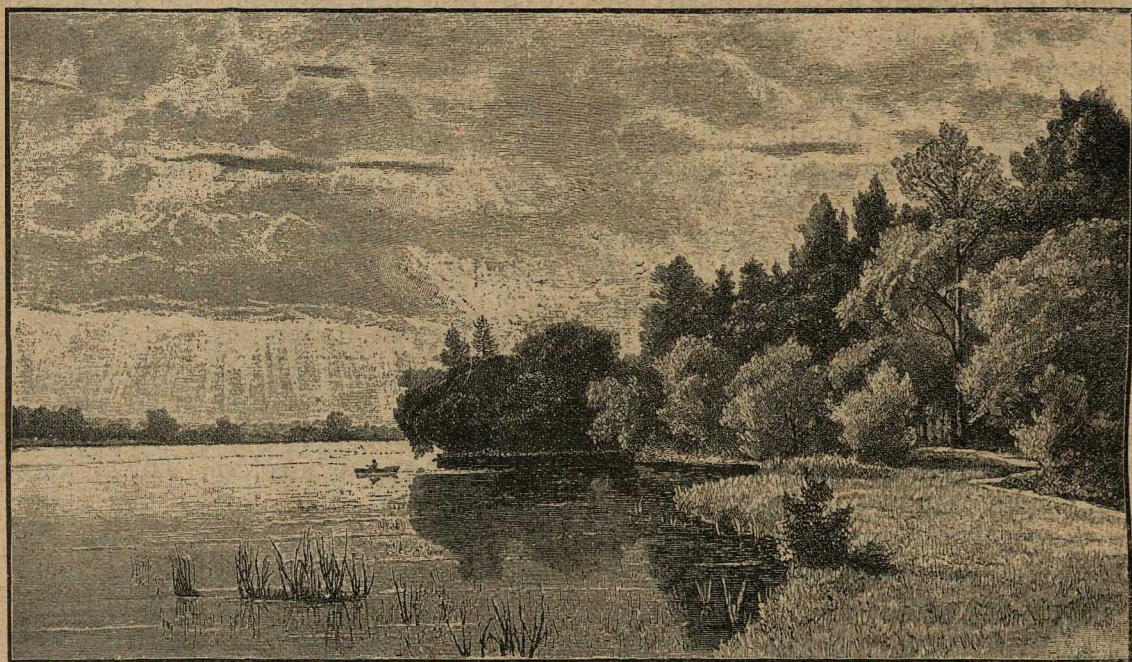
„Тѣмъ временемъ состоялся надо мною судъ. Страхъ передъ разлукой съ дочерью угнеталъ меня. Я не зналъ, что дѣлать. Я сидѣлъ въ своей тюрьмѣ, ожидая исполненія приговора, какъ вдругъ дверь

въ мою камеру со скрипомъ отворилась и ко мнѣ вошелъ мой вѣрный Жакъ.

— „Ваша свѣтлость, обратился онъ ко мнѣ.— Не теряйте времени. Бѣгите скорѣй, пока еще васъ не сослали. Тюремщики подкуплены. Я далъ имъ порядочныя суммы и они не тронуть васъ. Бѣгите-же скорѣй!..

— „А гдѣ Эмѣ? спросилъ я его.

него и помчались. Скоро мы приѣхали въ какую-то деревню, гдѣ меня встрѣтила какая-то грязная крестьянка съ такимъ-же грязнымъ ребенкомъ, но грязь на нихъ оказалась нарисованной. Это были моя дочь Эмѣ и ея няня. Жакъ быстро переодѣлъ меня тоже въ крестьянское платье, и мы помчались далѣе. Мы скакали всю ночь и къ разсвѣту доскакали до моря.

На озерѣ.

— „Эмѣ въ безопасности, отвѣтилъ онъ.— Вы скоро ее увидите. Бѣгите-же скорѣй! Не теряйте ни одной минуты!..

„Онъ схватилъ меня за руку и почти насильно вывелъ изъ тюрьмы. Мы миновали тюремный дворъ, прошли черезъ ворота и скоро были на улицѣ. Я былъ свободенъ. Меня дожидался въ одной изъ улицъ заранѣе приготовленный Жакомъ экипажъ. Мы сѣли въ

Здѣсь дожидалась насъ парусная рыбацья барка. Жакъ усадилъ меня и Эмѣ въ нее, а няня осталась на берегу. Она не согласилась ѣхать съ нами далѣе. Это была жена Жака и ей жаль было разставаться съ мужемъ.

„Мы стали прощаться. Жакъ вынулъ изъ сумки серебряный кубокъ и протянулъ его ко мнѣ.

— „Ваша свѣтлость, обратился онъ ко мнѣ,— все ваше имущество

въ сохранности. Оно переведено на деньги и лежитъ въ безопасности въ банкѣ. Когда бы вы ни захотѣли его получить, вы только предъявите кассиру вотъ этотъ самый серебряный кубокъ — и онъ немедленно-же выдастъ вамъ все.

пилъ и рыбакъ, который взялся перевезти меня въ Англiю.

— „Пока надъ вами тяготѣетъ приговоръ, продолжалъ Жакъ, — перемѣните, ваша свѣтлость, фамилю. Будьте въ Англии простымъ человѣкомъ, чтобы о васъ никто

— Это еще что за звѣрь?

„Я обнялъ своего стараго слугу и горячо его поцѣловалъ. Я хотѣлъ поговорить съ нимъ еще, но у насъ не хватало времени. Каждую минуту можно было ожидать погони и ареста и приходилось по-неволѣ спѣшить. Къ тому-же торо-

даже и не догадывался, что вы маркизъ. Иначе васъ схватятъ и выдадутъ обратно вашимъ врагамъ.

„Такъ я и сдѣлалъ. По прибытiи въ Англiю я назвался Смитомъ и поселился въ самомъ бѣдномъ

кварталъ Лондона. А тѣмъ временемъ меня вездѣ уже искали. Французское правительство потребовало выдачи меня у англійскаго и оно въ свою очередь стало меня разыскивать въ Англїи. Вотъ почему я строго оберегалъ свою неизвѣстность и ни однимъ намекомъ не показывалъ никому, что я маркизъ Бугенвиль.

„Я осужденъ былъ на двѣнадцать лѣтъ. По французскимъ законамъ, если преступникъ бѣжитъ до исполненія надъ нимъ судебного приговора и не явится или не будетъ разысканъ въ теченіи этого срока, то онъ считается свободнымъ.

„Сегодня исполнилось со дня моего приговора ровно двѣнадцать лѣтъ. Теперь я—свободенъ. Теперь я и моя дочь уже не Смиты, а маркизъ и маркиза Бугенвиль...

Услышавъ эти слова, Эмѣ вскрикнула и бросилась къ отцу. Слезы такъ и брызнули у нея изъ глазъ.

— Папа! Папочка! Папа! заговорила она.— Неужели это правда? Неужели ты опять свободенъ? Скажи это еще разъ, а то мнѣ кажется, что я ослышалась? Повтори еще! Значитъ, теперь мы уже не будемъ больше скрываться? Да? Не будемъ? Ну, скажи-же это еще разъ!

Онъ ласково отстранилъ ее отъ себя и продолжалъ:

„По приѣздѣ въ Лондонъ начались мои страданія. Я оказался здѣсь безъ копейки денегъ. У меня было здѣсь много знакомыхъ еще по прежней моей здѣсь службѣ, но развѣ я могъ къ нимъ показаться? Я былъ уже не маркизъ Бугенвиль, а простой смертный Смитъ, котораго никто не зналъ и которымъ не интересовался

никто. Тогда я рѣшилъ давать уроки музыки. Я бѣгалъ по всему городу, оставляя Эмѣ въ квартирѣ одну, но мнѣ или вовсе не платили, или-же отдавали только гроши. Мнѣ не во что было одѣться, такъ какъ я приѣхалъ сюда въ одномъ только костюмѣ, и мнѣ часто приходилось голодать и дрожать отъ холода. О, если-бы вы знали, мадамъ, какъ жестоки къ бѣднымъ люди! Чѣмъ хуже одѣтъ человекъ, тѣмъ они менѣе помогаютъ ему и тѣмъ болѣе его презираютъ. И меня презирали всѣ. Но какъ-бы я ни голодалъ, какъ-бы ни была ужасна судьба моей Эмѣ, я ревниво хранилъ при себѣ мой серебряный кубокъ. Вѣдь онъ берегъ мой богатства! Отъ него зависѣла вся моя дальнѣйшая судьба. Почти миллионеръ, я сгибался отъ нищеты и мнѣ невозможно было получить для себя хоть сколько-нибудь денегъ. Если-бы я явился съ кубкомъ въ Парижъ, то меня узнали-бы тамъ, схватили бы и сослали-бы въ каторжныя работы. На это я рѣшиться не могъ. А между тѣмъ нужда съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ давала себя знать. Кончилось дѣло тѣмъ, что я и Эмѣ не ѣли уже по цѣлымъ днямъ. Насъ гнали съ квартиры и были случаи, когда мнѣ и вотъ этой бѣдной многострадальной дѣвчкѣ пришлось ночевать на улицѣ прямо подъ дождемъ. О, это были ужасные дни! Я не знаю, какъ ихъ пережила Эмѣ. Проклятїе стараго Ольдкорта, казалось, тяготѣло надо мной и надъ ней и готово было насъ обоихъ погубить.

— „Нѣтъ, рѣшилъ я.—Такъ продолжаться болѣе не можетъ! Какими-бы то ни было путями, а

я долженъ получить изъ банка хоть часть своихъ денегъ!

„Но какъ это было сдѣлать? Самъ я явится въ Парижъ не могъ, а въ Лондонъ у меня не было ни одного близкаго человѣка, который-бы мнѣ помогъ. Оставалось, только одно— обратиться къ Ольдкорту. Вѣдь онъ былъ моимъ родственникомъ! Онъ могъ бы это сдѣлать если не для меня, то для моей Эмѣ!

„Я узналъ стороною, что старый Ольдкортъ уже умеръ и что все его состояніе досталось его сыну Джемсу. Джемсъ женился на какой-то молоденькой дамѣ, которая вскорѣ лишилась ногъ, и они переѣхали на жительство изъ Лондона къ себѣ въ усадьбу Прери.

„Если къ намъ былъ жестокъ отецъ, думалъ я, — то быть можетъ насъ пожалѣетъ его сынъ. Отправлюсь къ нему, вручу ему серебряный кубокъ и попрошу его ради Эмѣ, чтобы онъ сѣздилъ въ Парижъ и получилъ тамъ по нему мои деньги“.

„И я рѣшилъ отправиться въ Прери.

„Я взялъ съ собой кубокъ и понесъ Эмѣ на рукахъ. Боже мой, какъ было тяжело это путешествіе. Я вовсе не имѣлъ денегъ и почти всю дорогу прошелъ пѣшкомъ. Голодный, озябшій я еле держался на ногахъ. Когда же я дошелъ до Прери, то у меня уже вовсе не хватило силъ. Я не помню, какъ я звонилъ у калитки, какъ мнѣ отперли и какъ и что я говорилъ. Я помню только одно: когда я спросилъ, дома-ли г-нъ Джемсъ Ольдкортъ, то привратникъ мнѣ отвѣтилъ, что его нѣтъ дома уже давно и что онъ со своей больной супругой уѣхалъ за границу.

„Всѣ надежды мои рушились.

Значитъ, теперь мнѣ опять придется оставаться безъ денегъ и голодать! Я не зналъ, что дѣлать. Голова у меня закружилась и отъ горя и отъ голода и усталости. Не помня себя, я прижалъ къ себѣ свою Эмѣ и, не смотря на усталость, бросился бѣжать, куда глядѣли мои глаза. На дворѣ стояла непогода. Пробѣжавъ сажень съ двѣсти, я лишился чувствъ и упалъ на землю“...

Разсказъ утомилъ больного. Голосъ его сталъ прерываться. Онъ опустилъ голову на грудь и притихъ. Я застыла отъ вниманія и сидѣла, широко раскрывъ ротъ и глаза. Эмѣ, которой все это было извѣстно, подбѣжала къ отцу и провела рукой по его лбу.

— Папочка, тебѣ худо? спросила она.

— Нѣтъ, ничего... слабымъ голосомъ отвѣтилъ маркизь Бугенвиль и, глубоко вздохнувъ, началъ снова.

„Когда я очнулся, то было уже темно. Я увидѣлъ около себя два предмета, темнѣвшихъ на землѣ: это были Эмѣ, которая спала, и мой завѣтный кубокъ. Значитъ, когда я падалъ, то онъ вывалился у меня изъ-за пазухи. — „Это не хорошо, подумалъ я. — Такъ я могу его и потерять! А еще хуже, если его найдетъ кто-нибудь другой! Тогда я останусь нищимъ!“ Но кто могъ предотвратить меня отъ другихъ подобныхъ-же случаевъ? Кто могъ-бы поручиться, что я опять не упаду въ обморокъ и опять не потеряю кубка? Наконецъ въ своихъ скитаніяхъ я могу напастъ на подозрительныхъ людей и они могутъ этотъ кубокъ у меня отнять!“... Мысль, что я могу лишиться своей драгоценности, при-

вела меня въ ужасъ. Я зналъ, что кромѣ Джемса Ольдкорта для меня не могъ бы получить денегъ никто, и потому рѣшилъ припрятать кубокъ гдѣ-нибудь по близости. — „Я приду сюда опять, рѣшилъ я, — когда Ольдкорты вернутся изъ-за границы. Тогда я возьму кубокъ и вручу его Джемсу. Онъ меня ненавидитъ, но онъ все сдѣлаетъ для моей Эмѣ!“..

„И я сталъ озираться по сторонамъ, куда-бы спрятать кубокъ. Въ полумракѣ около меня возвышались какія-то развалины... Я вошелъ въ нихъ, нащупалъ мѣсто поудобнѣе и сунулъ его въ щель между двухъ камней“...

Здѣсь я уже не могла овладѣть собою и смолчать. Рѣчь зашла о моихъ развалинахъ и огнѣздѣ зяблика. Я привскочила съ мѣста и стала кричать не своимъ голосомъ:

— Да, да! Тамъ я его и нашла! Въ немъ гнѣздилися зябликъ!

Маркизь Бугенвиль улыбнулся скорбной улыбкой тяжело больного.

— „Выйдя изъ развалинъ, продолжалъ онъ, я снова почувствовалъ головокруженіе и сталъ падать на землю. Эмѣ вывалилась у меня изъ рукъ. — „Ко мнѣ! Сюда! кричалъ я. — Спасите! Помогите!“ И я вновь потерялъ сознание.

„Когда я очнулся, то увидалъ себя въ чьемъ-то небольшомъ домикѣ. Какой-то господинъ суетился около меня, какая-то дама, его жена, ласкала мою Эмѣ! Оказалось, что они слышали мой голосъ и подобрали меня и Эмѣ около развалинъ. Я и Эмѣ оказались такимъ образомъ въ чьемъ-то имѣніи, находившемся невдалекѣ отъ развалинъ...“

— Это вы были у насъ! восклик-

нула я. — Я тогда была еще маленькая, но мой папа рассказывалъ намъ, какъ онъ услышалъ вашъ голосъ, схватилъ фонарь и вмѣстѣ съ работникомъ побѣжалъ къ вамъ на помощь!

Маркизь Бугенвиль какъ-будто бы меня не слышалъ вовсе.

— „Эти добрые люди, продолжалъ онъ, — спрашивали меня, кто я и откуда, — но я не могъ имъ этого сказать. Они просили меня, чтобы я оставилъ мою дѣвочку у нихъ, — но развѣ я могъ разстаться со своей Эмѣ?“

„Они обогрѣли меня, накормили и напоили, я простился съ ними, взялъ Эмѣ и отправился обратно въ Лондонъ. Тамъ, среди милліона жителей, такихъ-же бѣдняковъ, какъ и я, я могъ быть въ большей безопасности, чѣмъ здѣсь, у этихъ добрыхъ людей, гдѣ на меня обратилъ-бы вниманіе всякій прохожій...“

„Въ Лондонѣ для меня опять потянулись ужасные дни. Эмѣ росла, я давалъ уроки и мы оба буквально не имѣли бѣлья и голодали. Когда Эмѣ стала понимать, я во всемъ ей открылся, сказалъ ей, кто я и кто она, и строго запретилъ ей кому-бы то ни было объ этомъ говорить. Бѣдняжка, она дѣлила со мной всѣ невзгоды судьбы и не проронила никому ни слова!“

„Проходили годы. Нужда все болѣе и болѣе одолѣвала меня — и я сталъ наконецъ терять терпѣніе. Въ одинъ изъ дней отчаянія, въ суровую зиму, я написалъ Джемсу Ольдкорту письмо. Но онъ мнѣ не отвѣтилъ. Тогда я написалъ ему снова съ просьбой позаботиться о моей Эмѣ. Но онъ не отвѣтилъ мнѣ и на это письмо. Оставалось пред-

положить только, что или его во-все не было въ Прери, или-же оба мои письма затерялись въ до-рогѣ.

„Я такъ изнемогалъ отъ нищеты, что для меня уже не существовало выбора. Все равно, думалъ я,—одинъ конецъ. Я скоро умру. Но мнѣ жаль Эмѣ! Я долженъ сходить опять въ Прери, по-пасть въ развалины, достать изъ расщелины завѣтный кубокъ и отдать его Эмѣ. Быть можетъ, она сохранить его и воспользуется имъ впоследствии сама.

„И я взялъ Эмѣ и отправился съ нею въ Прери. Это было ужасное путешествіе. Была метель, на дворѣ стояли морозы, а оба мы были почти въ лохмотьяхъ. Я уже и не знаю, какъ я добрался до Прери. Было уже темно, когда я позвонилъ у воротъ. Все тотъ-же привратникъ сообщилъ мнѣ, что Джемсъ Ольдкортъ опять уѣхалъ съ женой за границу. Что оставалось дѣлать? Я изнемогалъ отъ усталости, Эмѣ просила ѣсть, а вокругъ меня носились облака снѣга и было такъ холодно, что невозможно было терпѣть.

— „Въ такомъ случаѣ, рѣшилъ я,—я пойду къ развалинамъ и возьму тамъ обратно свой кубокъ!“

„Чтобы сократить дорогу, я пошелъ къ нимъ напрямикъ, прямо по снѣгу. Это утомило меня еще болѣе. Помню, я по дорогѣ встрѣтилъ какихъ то юношу и дѣвочку, сидѣвшихъ на камнѣ, которые окликнули меня, но я имъ не отвѣтилъ...“

— Это были мы! воскликнула я.—Мой братъ Вольфъ и я! Мы тоже замѣтили васъ тогда. Мы боялись, чтобы вы не сбились съ пути!

Но больной, казалось, по-прежнему не замѣчалъ моихъ словъ. Онъ только глубоко вздохнулъ и продолжалъ:—

— „Эмѣ утомилась и плакала. Я несъ ее на рукахъ, но она была уже большая и мнѣ было тяжело. Дойдя до развалинъ, я положилъ ее на снѣгъ, приказалъ ей не уходить, а самъ принялся за поиски. Но моего кубка не оказалось нигдѣ. Я перешарилъ всѣ закоулки, всѣ расщелины между камней и нигдѣ не могъ его найти. Для меня стало ясно, что его нашель кто-нибудь другой и взялъ себѣ. Ужасъ и отчаяніе овладѣли мною. Все помутилось у меня въ головѣ. Я выбѣжалъ, какъ безумный, изъ развалинъ, бросился къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ Эмѣ, но и ея тамъ тоже не оказалось. Я сталъ ее кликать, искать, но она не отзывалась. Думая, что она побѣжала къ Прери, я и самъ бросился туда. Но по дорогѣ я лишился чувствъ и свалился на снѣгъ.

„Я очнулся только на другой день къ вечеру. Такъ продолжительнъ былъ мой обморокъ. Кто-то наткнулся ночью на меня, подобралъ меня и отвезъ въ больницу за семь верстъ отъ Прери. Я весь былъ обмороженъ и не могъ двигаться. Все тѣло мое было въ повязкахъ. А затѣмъ я тяжело захворалъ, около мѣсяца пролежалъ въ бреду и когда сталъ поправляться, то оказалось, что я находился уже Лондонѣ, въ госпиталѣ святого Томы. Та больница, которая приютила меня близъ Прери, сама отравила меня, больного, въ Лондонъ для дальнѣйшаго излеченія...“

„Нужно-ли рассказывать теперь, какъ я встрѣтился съ вашимъ двою-

роднымъ братомъ Джимомъ, какъ черезъ него получилъ возможность видѣться съ Эмэ и наконецъ видѣть сейчасъ у себя и васъ, дорогая моя Софи? Судьба, такъ долго гнавшая меня, наконецъ сжалилась надо мною и вотъ возвратила мнѣ и дочь, и кубокъ и указала мнѣ на ту семью, которая пріютила Эмэ и которой я долженъ быть благодаренъ не только здѣсь, на землѣ, но и передъ лицомъ Бога, когда умру...“

Онъ кончилъ. Я и Эмэ плакали навзрыдъ. Теперь для меня было ясно все. Теперь я обо всемъ могу рассказать начальницѣ, и она уже не станетъ исключать мою названную сестру изъ пансіона. Она пойметъ, что Эмэ исполняла свой долгъ.

И я засуетилась, чтобы поскорѣе возвратиться въ пансіонъ.

Раздался стукъ въ дверь и вошелъ Джимъ.

— Ну, что? спросилъ онъ. — Кончили? Теперь я могу проводить барышень назадъ?

Маркизь въ знакъ согласія кивнулъ ему головой. Эмэ надѣла шляпку, обняла отца, горячо его поцѣловала — и мы вышли на улицу.

Не помню, какъ дошла я до пансіона, какъ вошла въ калитку и прошла черезъ дворъ. Когда же я поднялась наверхъ, то меня у начальницы ожидалъ новый сюрпризъ: пріѣхалъ папа. Отъ радости я стала плакать. Затѣмъ обѣ мы, и я, и Эмэ, повисли у него на шеѣ и онъ долго не могъ добиться отъ насъ, почему мы плакали и смѣялись.

А затѣмъ, когда мы успокоились немного, я усадила папу и г-жу Джексонъ въ кресла и съ

торжественнымъ видомъ рассказала имъ все, гдѣ я была, что видѣла и что рассказалъ мнѣ маркизь Бугенвиль. Г-жа Джексонъ утирала глаза кончиками своего чепца и прижимала къ себѣ Эмэ.

— Бѣдняжка! говорила она. — А я была съ нею такъ строга! Ну, я увѣрена, что она меня уже простила и что мы останемся съ нею друзьями!

Я подошла къ папѣ и взяла его за руку.

— А ты знаешь, папа, сказала я, — вѣдь Джимъ здѣсь!

— Да что ты, Софи, говоришь? обрадовался онъ. — Неужели это правда? Неужели онъ не погибъ?

Но въ это время вошла дѣвушка и доложила, что проводившій насъ до пансіона Джимъ, узнавъ, что пріѣхалъ г-нъ Хартрей, просить позволенія войти и повидаться съ нимъ.

— Проси, проси! заговорила начальница. — Пусть войдетъ! Это такой прекрасный молодой человекъ!

Вошелъ Джимъ и остановился у двери. Папа поднялся съ мѣста и поглядѣлъ на него. Глаза ихъ встрѣтились, они поняли другъ друга и бросились одинъ къ другому. Папа заключилъ его въ свои объятія, а Джимъ папу въ свои — и они долго стояли такъ, обнявшись.

— О, мой милый, дорогой мой Джимъ! сказалъ потомъ папа и сталъ сморкаться въ большой красный платокъ.

Затѣмъ всѣ вмѣстѣ мы опять отправились къ Бугенвилю и провели у него весь тотъ день до самого вечера. Потомъ папа перевезъ его въ лучшую гостинницу, купилъ для него костюмъ, заказалъ

для него обѣдъ, пригласилъ лучшаго доктора... Маркизь оказался не столько больнымъ, сколько ослабѣвшимъ отъ постоянного недоѣданія.

Это былъ сумасшедшій день. Я ходила точно въ угарѣ, Эмэ ожилилась и была отъ радости сама не своя. Папа и Джимъ тоже не знали, что дѣлать отъ радости.

А недѣлю спустя, мы уже простились съ г-жей Джексонъ и переехали къ себѣ на хуторъ, къ моимъ милымъ развалинамъ. Маркизь Бугенвиль тоже поѣхалъ вмѣстѣ съ нами.

Не могу описать, какъ мнѣ были пріятны возвращеніе на родину и свиданіе съ мамой!

А еще черезъ мѣсяць папа взялъ серебряный кубокъ и отправился съ нимъ въ Парижъ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали его возвращенія. Тамъ онъ получилъ изъ банка громадную сумму денегъ и привезъ ее Бугенвилю.

— Половина этихъ денегъ принадлежитъ вамъ, г-нъ Хартрей! обратился къ папѣ Бугенвиль. — Вы воспитали мою дочь и имѣете на это право!

Но папа отказался наотрѣзъ и не взялъ отъ него ничего.

Впрочемъ, мы никогда послѣ ни въ чемъ не нуждались. Возвратившійся изъ заграницы Джемсъ Ольдкортъ помирился съ маркизомъ Бугенвилемъ и пригласилъ его и Эмэ жить къ себѣ въ Прери постоянно. Они переехалъ туда, и я стала бывать у нихъ запросто

и скоро стала любимицей г-жи Ольдкортъ.

Маркизь Бугенвиль и Эмэ очень любили нашу семью. Они очень высоко цѣнили моего отца и старались угадать каждое наше желаніе. Мы никогда не просили у нихъ ничего и даже ни единымъ намекомъ не старались обратить ихъ вниманіе на наши нужды, но они какъ-то сами угадывали наши желанія и дѣлали все, чтобы доставить намъ пріятное. А когда папѣ исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, то маркизь Бугенвиль и Джемсъ Ольдкортъ купили громадное благоустроенное имѣніе и поднесли его ему въ подарокъ.

Это обезпечивало всю нашу семью, мы уже не могли нуждаться ни въ чемъ, но нашъ старенькій хуторокъ и развалины, гдѣ я нашла серебряный кубокъ, были для меня дороже всѣхъ имѣній въ мірѣ. Я никогда не могла имъ измѣнить.

— А что-же дальше? спросите вы.

Да стоитъ-ли писать, что было далѣе? Все было такъ-же, какъ и у всѣхъ другихъ. Я и Эмэ повыходили потомъ замужъ, жили счастливо, имѣли дѣтей и внуковъ и даже правнуковъ, и вотъ поскрипываемъ еще и теперь, несмотря на глубокую старость. И всю нашу жизнь мы обѣ были вѣрны тому правилу, которое было вырѣзано по краямъ нашего знаменитаго серебрянаго кубка: —

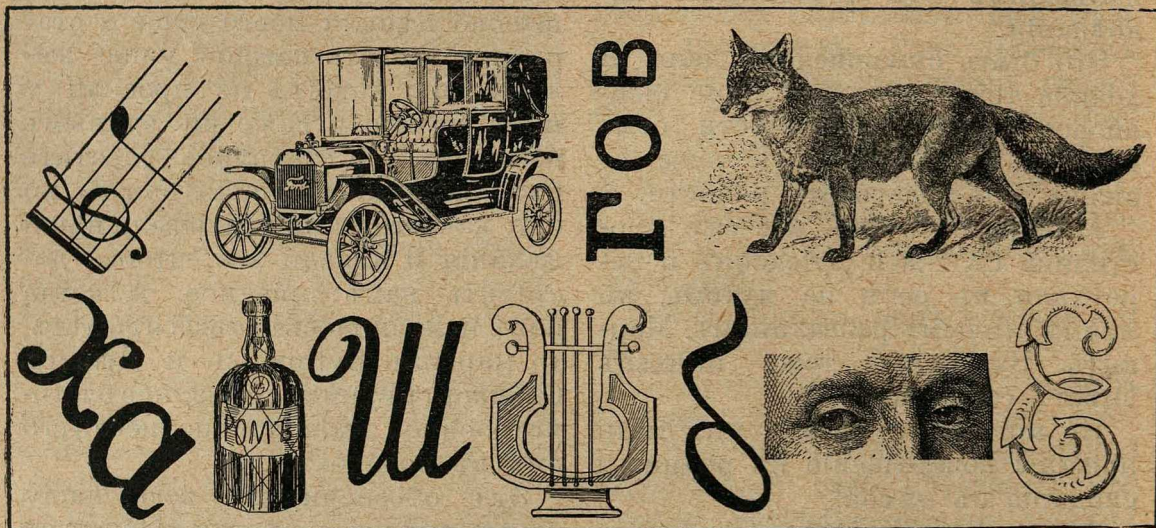
„Свято исполняй свой долгъ“.

По „The silver flagon“ изъ „Chatterbox“.

К О Н Е Ц Ъ .

Ребусъ № 19.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 17, помѣщенныхъ въ № 17 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I. По землѣ. II. Четверо: прабабушка, бабушка, мать и дочь. III. Облако, рыбаць, долото—корыто.

Ребусъ № 17: Ое + колъ + комъ + я + драконъ + тузь + и + до + коза + кули + цо + и + разъ + дробі + ло + ключи + цу—Осколкомъ ядра контузило козаку лицо и раздробило ключицу.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ:
«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО»

за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 руб. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ по 45 коп. за экземпляръ въ переплетѣ и безъ переплета).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ «ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО».

Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТРОГРАДА.

Годъ восьмой.

художественно-литературный журналъ

для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.),

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Адресъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство»: Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26.

3 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель **М. П. ЧЕХОВЪ.**

≡ За перемѣну адреса 28 копѣекъ почтовыми марками. ≡

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ:

„НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“ • Повѣсть съ иллюстраціями. Цѣна 40 к., съ перес. 60 к.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ • Съ иллюстраціями. Цѣна 40 к., съ перес. 60 к.

„ДРУЖОКЪ и ӨОМКА“ • Повѣсть съ иллюстраціями. Цѣна 40 к., съ перес. 60 коп.

За все три книги вмѣстѣ — 1 руб. 60 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровский пр., 26.